

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПЫТОК

В статье рассматриваются актуальные вопросы, относящиеся к проблеме предотвращения пыток по законодательству Республики Казахстан. Для наступления уголовной ответственности за пытку как противоправное деяние, причинившее человеку физические и психические страдания, введенное уголовным законодательством Республики Казахстан 21 декабря 2002 г., должны быть в наличии субъективные и объективные признаки. О них и говорит автор в данной статье.

Конвенция ООН 1984 года о запрещении пыток определяет как пытку умышленное причинение человеку сильной боли либо физического или нравственного страдания с целью получить от него или от третьего лица сведения или признание, запугать его или принудить к чему-либо.

Понятие пытки как противоправного деяния, влекущего уголовную ответственность, впервые введено в уголовное законодательство Республики Казахстан Законом Республики Казахстан от 21 декабря 2002 года, которым Уголовный кодекс РК дополнен статьей №447-1 «Пытки».

Согласно указанной норме закона под пытками подразумевается причинение человеку физических и психических страданий. Подобное изложение диспозиции статьи 447-1 УК, на наш взгляд, несколько сужает основания уголовной ответственности за пытки. Исходя из буквального текста закона иные насильственные действия, например причинение боли, вреда здоровью, сами по себе не влекут уголовную ответственность по данной статье.

Указанная статья помещена в главу 15 УК «Преступления против правосудия и порядка исполнения наказания», что, естественно, предопределяет, кто может быть привлечен к уголовной ответственности за применение пыток. Согласно диспозиции ст. 347-1 УК субъектом преступления, именуемого как пытка, являются: следователь, лицо, про изводящее дознание, иное должностное лицо. Из этого следует, что при совершении пытки кем-либо другим, например недолжностным лицом, его ответственность по данной статье УК не предусмотрена.

Для наступления ответственности по данной статье УК необходимо доказывать ряд обстоятельств, характеризующих данный состав преступления.

В первую очередь необходимо установить, кем совершены пытки, т. е. совершены ли они следователем либо лицом, про изводящим дознание. Если пытки совершены другим лицом, то необходимо установить, является ли оно должностным.

Законодателем не указано, как характеризуется данное преступление с объективной стороны. Из этого можно сделать вывод, что причинение физических или психических страданий может осуще-

ствляться любым способом. Однако необходимым обстоятельством является наступление общественно опасного последствия – физического и психического страдания потерпевшего.

Представляется, что на практике может сложиться неоднозначное толкование закона в части оценки последствий противоправного деяния пытки, поскольку законодателем употреблен союз «и», а не «или». В связи с этим не ясно, необходимо ли для уголовной ответственности установление факта наличия у потерпевшего в результате пытки одновременно и физических и психических страданий либо достаточно доказать, что преступлением причинено хотя бы одно из них.

При решении вопроса об уголовной ответственности необходимо также устанавливать, что действия виновным совершались с прямым умыслом, а применение пытки было обусловлено указанной в законе целью: получить от пытаемого или третьего лица сведения или признания; наказать за совершенные пытаемым действия или за действия, в совершении которых оно подозревается; запугать пытаемых лиц; принудить пытаемых или третьих лиц.

Законодатель, обозначив одной из целей применения пыток желание виновного принудить жертву, не счел необходимым указать, к чему принудить. Нам представляется, что уголовная ответственность может наступать и тогда, когда пытки совершаются с целью оказать на человека воздействие, сломить его волю путем причинения физических или психических страданий, принудить его против собственной воли совершить угодные для виновного или кого-либо другого действия.

Вместе с тем после перечисления целей (обстоятельства, подлежащего доказыванию) в диспозиции статьи 347-1 УК указано, что применение пыток по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, влечет уголовную ответственность, что позволяет считать, что применение пыток и по другим причинам влечет уголовную ответственность.

Возникает вопрос, по каким критериям следует различать угрозу, ответственность за совер-

шение которой предусмотрена ст. 347 УК, от запугивания, которое должно рассматриваться как попытка и ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 347-1 УК.

В обеих указанных статьях речь идет о принуждении, осуществляемом путем запугивания (ст. 347-1), угроз (ст. 347) одних и тех же лиц (подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего свидетеля, эксперта) и, надо полагать, в одних и тех же целях – принудить их к совершению определенных действий, угодных лицу, которое лично совершает эти действия или по указанию которого осуществляется угроза или запугивание.

Объективная сторона этих двух преступлений в определенных ситуациях характеризуется одинаково и предполагает совершение субъектом преступления умышленных действий, являющихся по своей сути запугиванием или угрозой потерпевших, которые вследствие страха (психического страдания) вынуждены совершить угодные виновному действия.

Совершение лицом действий вопреки собственной воле под принуждением (например, при самооговоре в ходе расследования дела) в большинстве случаев сопряжено с глубокими переживаниями, вследствие чего даже имеют место случаи, когда такие лица не могут пережить нравственные страдания, делают попытки к суициду. Из этого явствует, что применение угроз, шантажа, иных незаконных действий, несомненно, влечет психические страдания потерпевшего. Между тем ответственность за совершение таких действий, причиняющих психические страдания, предусмотрена ст. 347 УК, а не по ст. 347-1, устанавливающей ответственность за пытки.

Субъектом совершения указанных действий в обеих статьях в ряде случаев могут быть одни и те же лица: следователь, дознаватель, иные должностные лица.

Тогда возникает закономерный вопрос: в чем же состоит различие ответственности, предусмотренной ст. 347 УК, от ответственности по ст. 347-1 УК РК?

На первый взгляд может показаться, что применение той или другой нормы уголовного закона не имеет особого значения. Однако такое мнение было бы ошибочным. Сравнение санкций ст. 347 и 347-1 УК указывает на то, что уголовно-правовые последствия квалификации деяния, которым причинены физические или психические страдания потерпевшему, далеко не одинаковы. Если при квалификации деяния, которым причинено психическое страдание в результате принуждения, совер-

шенного с применением угрозы, шантажа, по ст. 347 УК максимальное наказание может быть назначено в пределах 3-х лет лишения свободы, то за причинение психического страдания, причиненного в результате принуждения путем запугивания, наказание по ст. 347-1 УК РК намного строже (от 5 лет лишения свободы по ч. 1 и до 10 лет лишения свободы по ч. 3). Пока что судебная практика применения ст. 347-1 УК не имеет, в связи с чем не представляется возможным показать это на конкретных примерах.

Предупреждение пыток как уголовно-наказуемого деяния может быть осуществлено не только путем применения норм УК РК, преследующих охрану прав и законных интересов человека и гражданина, предупреждение преступлений, наказание виновных. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан, закрепив важнейшие принципы уголовного процесса, наглядно демонстрирует правовую несостоятельность полученных в результате принуждения признаний, сведений, иных действий, выполняемых в ходе судопроизводства по уголовному делу.

Так, ст. 13 УПК РК запрещает в ходе расследования уголовного дела собирать, использовать или распространять сведения о частной жизни и иные сведения личного характера лица, участвующего в уголовном процессе, которые он желает сохранить в тайне, если это совершается при отсутствии необходимости по расследуемому делу, а ст. 16 УПК закрепляет принцип неприкосновенности частной жизни. Запрет закона вторгаться в частную жизнь тогда, когда по расследуемому делу в этом нет необходимости, в определенной мере уменьшает возможность совершения шантажа.

Часть 5 ст. 14 указывает, что никто из участвующих в уголовном процессе лиц не может подвергаться насилию, жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Ст. 27 УПК РК предоставляет право любому лицу не свидетельствовать против себя самого, супруга (супруги) и своих близких родственников.

В соответствии с п. 1-2 части 1 ст. 116 УПК РК фактические данные, полученные с применением насилия, угроз, обмана, с использованием заблуждения лица, участвующего в уголовном процессе, относительно своих прав и обязанностей, возникшего вследствие не разъяснения либо неполного или неправильного их разъяснения, не могут признаваться доказательствами по уголовному делу.

Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления в соответствии с ч. 4 ст. 119 УПК само по себе не может быть положено в ос-

нову обвинения, а лишь только при подтверждении его виновности совокупностью доказательств. Часть 4 ст. 19 и ч. 3 ст. 375 УПК запрещают судам выносить обвинительные приговоры на основе предположений. Указанные положения закона показывают абсолютную бесполезность применения насилия, пыток, угроз, шантажа и других незаконных методов в процессе доказывания необходимых обстоятельств по уголовному делу и свидетельствуют о том, что их совершение не приведет к желаемому результату, а лишь может повлечь предусмотренную законом ответственность лиц, их совершивших.

Совершение незаконных действий в ходе уголовного судопроизводства, сопряженных с насилием, принуждением, причинением физических и психических страданий, во многих случаях остается не выявленным. Именно их латентность, а также отсутствие правового механизма выявления, к тому же наличие ряда условий способствуют совершению преступления, именуемого пыткой.

Так, задержанный подозреваемый вправе немедленно сообщить по телефону или иным способом по месту своего жительства или работы о своем задержании и месте содержания. О применении меры пресечения в виде ареста органы дознания, следователь, прокурор или суд обязаны уведомить родственников арестованного. Но ч. 10 ст. 150 УПК РК допускает до 10 суток держать в секрете факт задержания и ареста человека по причине «надлежащего обеспечения соблюдения тайны первоначального этапа следствия». Именно поэтому требование закона об обязательном уведомлении о задержании или аресте на практике часто игнорируется, в связи с чем родственники задержанных и арестованных, находясь в неведении, не могут разыскать этого человека порой длительное время, он сам не может заключить соглашение с адвокатом, что происходит в это время с самим задержанными, неизвестно.

Между тем задержание, арест, помещение лица в специальные места без объявления об этом по нормам международного права считаются насильственным исчезновением человека[1]. Кроме того, подобные действия расцениваются как поставление задержанных лиц вне защиты закона и как условие для совершения над ними пыток и жестокого обращения.

Согласно ст. 151 УПК РК подозреваемые, обвиняемые, к которым в качестве меры пресечения применен арест, содержатся в следственных изоляторах. Однако ст. 152 УПК, создавая удобства для органа, ведущего уголовный процесс, позволяет

содержать таких лиц и в изоляторах временного содержания. Судя по заявлениям арестованных, именно в ИВС наиболее часто и допускается применение к ним недозволенных методов ведения следствия, к которым относятся и пытки (одевание противогаса, приковывание наручниками, содержание без пищи, лишение сна и т. п.).

Показания лиц, которые на момент допроса были неспособны правильно воспринимать или воспроизводить обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, согласно ч. 8 ст. 119 УПК РК не признаются доказательством[2]. Ст. 241 УПК обязывает орган, ведущий уголовный процесс, при возникновении сомнений в способностях допрашиваемого лица к восприятию или воспроизведению обстоятельств назначать соответствующую экспертизу[3]. Практике известны единичные случаи, когда такие экспертизы назначаются и проводятся. Следственные органы их практически не назначают. Это связано с затяжным характером производства судебно-психиатрических и некоторых других экспертиз, что влечет нарушение срока следствия и содержания лица под стражей, т. е. наступление нежелательных последствий для органа, ведущего уголовный процесс.

Чаще физическое или психическое состояние допрашиваемого лица, его способность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, и давать о них показания удостоверяются справкой врача. При этом врачи, выдающие подобные справки, не всегда учитывают положения, закрепленные в принятых Генеральной Ассамблеей ООН в 1982 «Принципах медицинской этики», в одном из которых (№4-б) указано, что к нарушениям медицинской этики относятся случаи, когда работники здравоохранения удостоверяют, что состояние здоровья задержанных или заключенных позволяет подвергать их допросам, наказанию, если фактически такие действия с данным лицом могут отрицательно сказаться на физическом или психическом здоровье этих лиц.

Предотвращение пыток в ходе оперативно-розыскных мероприятий и расследовании уголовного дела было бы эффективным, если бы уголовно-процессуальный закон определил, каким органом (должностным лицом) и в каком порядке должны проверяться заявления граждан о применении к ним пыток и проводить по этому поводу соответствующие процессуальные действия.

Конечно, можно сослаться на ст. 62 УПК, в соответствии с которой эта функция возложена на прокурора, и именно прокурор является лицом, осуществляющим надзор за законностью ОРД, доз-

нения и следствия, и, как следствие, – он и должен стоять на страже прав и законных интересов человека и гражданина в ходе уголовного судопроизводства, принимать действенные меры к предотвращению пыток, а если они были применены, то своевременно их выявлять, пресекать и решать вопрос об ответственности лиц, их применивших.

Но есть ряд и других норм закона, которые устанавливают иной порядок проверки жалоб, ст. 103 УПК РК предусматривает подачу жалобы на решения и действия дознавателя, органа дознания, следователя в тот государственный орган или тому должностному лицу, ответственному за производство по уголовному делу, которые уполномочены законом рассматривать подобные жалобы.

Заметим, закон предписывает жаловаться на применение пыток не прокурору, а «ответственному за производство по уголовному делу» органу или его должностному лицу, т. е. фактически тем, на кого жалуются.

Арестованные лица, содержащиеся под стражей, передают свои жалобы через администрацию мест предварительного заключения, которая в соответствии со ст. 104 УПК обязана немедленно передавать их органу, ведущему уголовный процесс, а жалобы на дознавателя, следователя – прокурору. Как видим, путь у жалоб длинный, а самое главное, не прокурор, а администрация учреждения решает, кому следует заниматься разрешением подобных жалоб. Деятельность указанных учреждений, в том числе и их администрации, по соблюдению элементарных прав арестованных находится под надзором прокурора. Естественно, что при проведении цензуры корреспонденции администрация мест содержания под стражей жалобы арестованных о побоях, причинении физических или психических страданий (помещение в специальные камеры, выдача лиц и их допрос в ночное время, запрет на встречу с адвокатом без специального разрешения органа, ведущего уголовный процесс, и т. п.) передавать прокурору не станет, ибо трудно представить, что действия, носящие характер пыток, в стенах этих учреждений проводятся без ее ведома и молчаливого согласия.

Прокурор в соответствии со ст. 108 УПК обязан поступившую к нему жалобу рассмотреть в течение трех суток, а в исключительных случаях – в срок до 7 суток. Но необходимо определить, о каких жалобах идет речь, предусмотрено ли в уголовно-процессуальном законе рассмотрение жалоб о пытках. Поскольку никаких изъятий законом не предусмотрено, то на данный вопрос можно ответить утвердительно и констатировать, что оконча-

тельное принятие решения по жалобе принадлежит прокурору, надзирающему за исполнением законов при производстве предварительного следствия и дознания.

Содержание ст. 109 УПК указывает на то, что обратиться в суд с жалобой на применение пыток подследственные не вправе, поскольку на досудебной стадии производства по уголовному делу суды рассматривают жалобы только на действия и решения следственных органов, перечисленные в ч. 1 этой статьи, в которой о пытках даже не упоминается, причем не напрямую, а только после того, как прокурор оставит аналогичную жалобу без удовлетворения либо в течение 1 месяца вообще не будет отвечать на жалобу.

Доказать применение пыток – процедура не из простых. Это связано, прежде всего, с тем, что причинение психических и физических страданий совершается лицами оперативно-следственного состава, т. е. профессиональными юристами, осознающими противоправность своих действий и предпринимающими всяческие меры к сокрытию содеянного. Кроме того, они имеют возможность в ходе проверок влиять на пострадавших и свидетелей, которые находятся в неволе и потому находятся в определенной зависимости от проверяемых.

Закон не обязывает, поэтому материалы проверок, осуществляемых прокурорами по факту применения пыток или иных недозволённых действий по отношению к подследственным, к уголовному делу не приобщаются. Вследствие этого заявитель, другие участники процесса, а также и суды не располагают никакими данными о том, как были разрешены такие жалобы и какие решения по ним были приняты, т. е. были ли установлены факты применения пыток. К тому же практика знает немало случаев, когда прокуроры не сами проверяют изложенные в жалобах обстоятельства, а поручают тому же органу, который проводит расследование и на действия работников которого принесена жалоба. Понятно, что такие жалобы чаще всего признаются необоснованными. Отсутствие материалов, доказывающих несостоятельность доводов жалоб или, наоборот, подтверждающих их обоснованность, лишает суд возможности правильно оценить собранные материалы дела в качестве допустимых доказательств.

Чаще всего попытки самих судов проверить в судебном заседании заявления подследственных и свидетелей о причинении им физических или психических страданий ни к чему не приводят. Было бы наивным рассчитывать на то, что при допросах в

судебном заседании работники уголовного розыска, дознаватели, следователи признают применение пытки или совершение иных незаконных действий.

Представляется, что был бы более действенным и эффективным установленный законом порядок, при котором жалобы от участвующих в деле лиц о применении к ним физического или психического насилия разрешались бы лично прокурором с проведением им необходимых проверочных действий, в необходимых случаях возбуждалось бы уголовное дело. Ведь заявление человека, находящегося под следствием, о применении к нему или

его близким пыток есть не что иное, как сообщение о совершении преступления.

В этой связи представляется, что требования ст. 183 УПК РК об обязательности принятия и рассмотрения заявлений о совершении преступлений должны всецело выполняться и по жалобам о применении пыток к кому-либо в связи с расследованием конкретного уголовного дела. Процессуальное решение прокурора по результатам проверки жалобы во всех случаях должно приобщаться к расследуемому или рассматриваемому в суде уголовному делу в отношении автора жалобы.

Список использованной литературы:

1. Международные акты о правах человека. Сб. документов. – М.: Норма, 1998. – С. 151; Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: Спарк, 1998. – С. 74.
2. Татьяна Л. Г. Проблемы производства по уголовным делам о применении принудительных мер медицинского характера // Уголовная юстиция: состояние и пути развития: Региональная научно-практическая конференция. – Тюмень: Изд-во полигр. центр «Экспресс», 2003. – С. 40-41.
3. Там же.